

Annotation

Здесь свой Апокалипсис — в виде полного оцепенения жизни, кристаллизации мироздания, символом которой становится новый Ледниковый период. Планета, начиная с Африки, замерзает, покрываясь очень красивой и смертельно опасной ледяной коркой.

- [Хрустальный мир](#)
 -
-

Хрустальный мир

*Вот – третий на пути.
О милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?*

А.Блок

Taken: , 1

Каждый, кому 24 октября 1917 года доводилось нюхать кокаин на безлюдных и бесчеловечных петроградских проспектах, знает, что человек вовсе не царь природы. Царь природы не складывал бы ладонь в подобие индийской мудры, пытаясь защитит от промозглого ветра крохотную стартовую площадку на ногте большого пальца. Царь природы не придерживал бы другой рукой норовящий упасть на глаза край башлыка. И уж до чего бы точно никогда не дошел царь природы, так это до унижительной необходимости держать зубами вонючие кожаные поводья, каждую секунду ожидая от тупой русской лошади давно уже предсказанного Дмитрием Сергеевичем Мережковским великого хамства.

– И как тебе не надоест только, Юрий? Уже пятый раз за сегодня нюхаешь, – сказал Николай, с тоской догадываясь, что товарищ и на этот раз не предложит угоститься.

Юрий спрятал перламутровую коробочку в карман шинели, секунду подумал и вдруг сильно ударил лошадь сапогами по бокам.

– Х-х-х-а! За ним повсюду всадник медный! – закричал он и с тяжело-звонким грохотом унесся вдаль по пустой и темной Шпалерной. Затем, как-то убедив свою лошадь затормозить и повернуть обратно, он поскакал к Николаю – по пути рубанул аптечную вывеску невидимой шашкой и даже попытался поднять лошадь на дыбы, но та в ответ на его усилия присела на задние ноги и стала пятиться через всю улицу к кондитерской витрине, заклеенной одинаковыми желтыми рекламами лимонада: усатый герой с георгиевскими крестами на груди, чуть пригибаясь, чтобы не попасть под осколки только что разорвавшегося в небе шрапнельного снаряда, пьет из высокого бокала под взглядами двух приблизительно нарисованных красавиц-медсестер. Николай с кем-то уже обсуждал идиотизм и пошлость этого плаката, висевшего по всему городу попеременно с эсеровскими и большевистскими листовками, сейчас он почему-то вспомнил брошюру

Петра Успенского о четвертом измерении, напечатанную на паршивой газетной бумаге, и представил себе конский зад, выдвигающийся из пустоты и вышибающий лимонад из руки усталого воина.

Юрий наконец справился с лошадей и после нескольких пируэтов в центре улицы направился к Николаю.

– Причем обрати внимание, – возобновил он прерванный разговор, – любая культура является именно парадоксальной целостностью вещей, на первый взгляд не имеющих друг к другу никакого отношения. Есть, конечно, параллели: стена, кольцом окружающая античный город, и круглая монета, или – быстрое преодоление огромных расстояний с помощью поездов, гаубиц и телеграфа. И так далее. Но главное, конечно, не в этом, а в том, что каждый раз проявляется некое нерасчленимое единство, некий принцип, который сам по себе не может быть сформулирован, несмотря на крайнюю простоту...

– Мы про это уже говорили, – сухо сказал Николай, – неопределимый принцип, одинаково представленный во всех феноменах культуры.

– Ну да. И этот культурный принцип имеет некий фиксированный период существования, примерно тысячу лет. А внутри этого срока он проходит те же стадии, что и человек – культура может быть молодой, старой и умирающей. Как раз умирание сейчас и происходит. У нас это видно особенно ясно. Ведь это, – Юрий показал рукой на кумачовую полосу с надписью «Ура Учредительному собранию!», протянутую между двумя фонарными столбами, – уже агония. Или даже начало разложения.

Некоторое время ехали молча. Николай поглядывал по сторонам – улица словно вымерла, и если бы не несколько горящих окон, можно было бы решить, что вместе со старой культурой сгинули и все ее носители. С начала дежурства пошел уже второй час, а прохожих навстречу не попадалось, из-за чего совершенно невозможно было выполнить приказ капитана Приходова.

– Не пропускать по Шпалерной в сторону Смольного ни одну штатскую блядь, – сказал капитан на разводе, значительно глядя на Юрия, – ясно?

– Как прикажете понимать, господин капитан, – спросил Юрий, – в прямом смысле?

– Во всех смыслах, юнкер Попович, во всех.

Но чтобы не пропустить кого-то к Смольному по Шпалерной, надо, чтобы кроме двух готовых выполнить приказ юнкеров существовал и этот третий, пытающийся туда пройти, – а его не было, и пока боевая вахта сводилась к довольно путаному рассказу Юрия о рукописи какого-то немца,

которую сам Николай не мог прочесть из-за плохого знания языка.

– Как его зовут? Шпуллер?

– Шпенглер, – повторил Юрий.

– А как книга называется?

– Неизвестно. Я ж говорю, она еще не вышла. Это была машинопись первых глав. Через Швейцарию провезли.

– Надо запомнить, – пробормотал Николай и тут же опять начисто забыл немецкую фамилию – зато прочно запомнил совершенно бессмысленное слово «Шпуллер». Такие вещи происходили с ним все время: когда он пытался что-то запомнить, из головы вылетало именно это что-то, а оставались разные вспомогательные конструкции, которые должны были помочь сохранить запоминаемое в памяти, причем оставались очень основательно: пытаясь вспомнить фамилию бородатого немецкого анархиста, которым зачитывалась гимназистка-сестра, он немедленно представлял себе памятник Марку Аврелию, а вспоминая номер какого-нибудь дома, он вдруг сталкивался с датой «1825» и пятью профилями – не то с коньячной бутылки, не то из теософского журнала. Он сделал еще одну попытку вспомнить немецкую фамилию, но вслед за словом «Шпуллер» выскочили слова «Зингер» и «Парабеллум», второе было вообще не при чем, а первое не могло быть нужным именем, потому что начиналось не на «Ш». Тогда Николай решил поступить хитро и запомнить слово «Шпуллер» как похожее на вылетевшую из головы фамилию, по идее, при этом оно должно было забыться, уступив этой фамилии место.

Николай уже решил переспросить товарища, как вдруг заметил темную фигуру, крадущуюся вдоль стены со стороны Литейного проспекта, и дернул едущего рядом Юрия за рукав. Юрий встрепенулся, огляделся по сторонам, увидел прохожего и попытался свистнуть, получившийся звук свистом не был, но прозвучал достаточно предостерегающе.

Неизвестный господин, поняв, что замечен, отделился от стены, вошел в светлое пятно под фонарем и стал полностью виден. На первый взгляд ему было лет пятьдесят или чуть больше, одет он был в темное пальто с бархатным воротником, а на голове имел котелок. Лицо его с получеховской бородкой и широкими скулами было бы совсем неприметным, если бы не хитро прищуренные глазки, которые, казалось, только что кому-то подмигнули в обе стороны и по совершенно разным поводам. В правой руке господин имел трость, которой помахивал взад-вперед в том смысле, что просто идет себе тут, никого не трогает и не собирается трогать, и вообще знать ничего не желает о творящихся вокруг

безобразиях. Склонному к метафоричности Николаю он показался похожим на специализирующегося по многотысячным рысакм конокрада.

– П'гивет, 'ебята, – развязно и даже, пожалуй, нагло сказал господин, – как служба?

– Вы куда изволите следовать, милостивый государь? – холодно спросил Николай.

– Я-то? А я гуляю. Гуляю тут. Сегодня, ве'гите, весь день кофий пил, к вече'гу так аж се'гце заныло... Дай, думаю, воздухом подышу...

– Значит, гуляете? – спросил Николай.

– Гуляю... А что, нельзя-с?

– Да нет, отчего. Только у нас к вам просьба – не могли бы вы гулять в другую сторону? Вам ведь все равно, где воздухом дышать?

– Все 'гавно, – ответил господин и вдруг нахмурился, – но однако это безоб'газие какое-то. Я п'гивык по Шпале'гной туда-сюда, туда-сюда...

Он показал тростью, как. Юрий чуть покачнулся в седле, и господин перевел внимательные глазки на него, отчего Юрий почувствовал необходимость что-то произнести вслух.

– Но у нас приказ, – сказал он, – не пускать ни одну штатскую блядь к Смольному.

Господин как-то бойко оскорбился и задрал вверх бородку.

– Да как вы осмеливаетесь? Вы... Да я вас в газетах... В «Новом В'гемени»... – затараторил он, причем стало сразу ясно, что если он и имеет какое-то отношение к газетам, то уж во всяком случае не к «Новому Времени», – наглость какая... Да вы знаете, с кем гово'гите?

Было какое-то несоответствие между его возмущенным тоном и готовностью, с которой он начал пятиться из пятна света назад, в темноту, – слова предполагали, что сейчас начнется долгий и тяжелый скандал, а движения показывали немедленную готовность даже не убежать, а именно задать стрекача.

– В городе чрезвычайное положение, – закричал ему вслед Николай, – подышите пару дней в окошко!

Молча и быстро господин уходил и вскоре полностью растворился в темноте.

– Мерзкий тип, – сказал Николай, – определенно жулик. Глазки-то как зыркают...

Юрий рассеянно кивнул. Юнкера доехали до угла Литейного проспекта и повернули назад – Юрию эта процедура стоила некоторых усилий. В его обращении с лошадьёю постоянно проскальзывали ухватки опытного велосипедиста: он далеко разводил поводья, словно в его руках

был руль, а когда надо было остановиться, подергивал ногами в стремях, как будто вращая назад педали полугоночного «Данлопа».

Начал моросить отвратительный мелкий дождь, и Николай тоже накинул на фуражку башлык, после чего они с Юрием стали совершенно неотличимы друг от друга.

– А что ты, Юра, думаешь – долго Керенский протянет? – спросил через некоторое время Николай.

– Ничего не думаю, – ответил Юрий, – какая разница. Не один, так другой. Ты лучше скажи, как ты себя во всем этом ощущаешь?

– В каком смысле? – Николай в первый момент решил, что Юрий имеет в виду военную форму.

– Ну вот смотри, – сказал Юрий, указывая на что-то впереди жестом, похожим на движение сеятеля, – где-то война идет, люди гибнут. Свергли императора, все перевернули к чертовой матери. На каждом углу большевики гогочут, семечки жрут. Кухарки с красными бантами, матросня пьяная. Все пришло в движение, словно какую-то плотину прорвало. И вот ты, Николай Муромцев, стоишь в болотных сапогах своего духа в самой середине всей этой мути. Как ты себя понимаешь?

Николай задумался.

– Да я этого как-то не формулировал, – сказал он. – Вроде живу себе просто, и все.

– Но миссия-то у тебя есть?

– Какая там миссия, – ответил Николай и даже немного смутился, – Господь с тобой. Скажешь тоже.

Юрий потянул ремень перекосившегося карабина, и из-за его плеча выполз конец ствола, похожий на голову маленького стального индюка, внимательно слушающего разговор.

– Миссия есть у каждого, – сказал Юрий, – просто не надо понимать это слово торжественно. Вот, например, Карл Двенадцатый – знаешь, был такой шведский король – всю свою жизнь воевал – с нами, еще с кем-то, чеканил всякие медали в свою честь, строил корабли, соблазнял женщин. Охотился, пил. А в это время в какой-то деревне рос, скажем, некий пастушок, у которого самая смелая мечта была – о новых лаптях. Он, конечно, не думал, что у него есть какая-то миссия, – не то что не думал, даже слова такого не знал. Потом попал в солдаты, получил ружье, кое-как научился стрелять. Может быть, даже не стрелять научился, а просто высовывать дуло из окопа и дергать за курок. И вот так однажды высунул он дуло, заткнул уши и дернул курок – а в это время где-то на линии полета пули скакал великолепный Карл Двенадцатый на специальной королевской

лошади. И – прямо по тыкве...

Юрий повертел рукой, изображая падение убитого шведского короля с несущейся лошади.

– Самое интересное, – продолжал он, – что человек чаще всего не догадывается, в чем его миссия, и не узнает того момента, когда выполняет действие, ради которого был послан на землю. Скажем, он считает, что он композитор и его задача – писать музыку, а на самом деле единственная цель его существования – это попасть под телегу на пути в консерваторию.

– Это зачем?

– Ну, например, затем, чтобы у дамы, едущей на извозчике, от страха случился выкидыш и человечество избавилось от нового Чингисхана. Или затем, чтобы кому-то стоящему у окна пришла в голову новая мысль. Мало ли.

– Ну, если так рассуждать, – сказал Николай, – то, конечно, миссия есть у каждого. Только узнать о ней положительно невозможно.

– Да нет, есть способы, – сказал Юрий и замолчал.

– Какие?

– Да есть такой доктор Штейнер в Швейцарии... Ну да ладно, – Юрий махнул рукой, и Николай понял, что лучше сейчас не лезть с расспросами.

Темной и таинственной была Шпалерная, темной и таинственной, как слова Юрия о неведомом немецком докторе. Все закрывал туман, хотелось спать, и Николай начал клевать носом. За промежуток времени между двумя ударами копыт он успевал заснуть и пробудиться, и каждый раз видел короткий сон. Сначала эти сны были хаотичными и бессмысленными – из темноты выплывали незнакомые лица, удивленно косились на него и исчезали, потом мелькнули какие-то темные пагоды на заснеженной вершине горы – Николай вспомнил, что это монастырь и вроде бы он даже что-то про него знал, – но видение исчезло. Потом пригрезилось, что они с Юрием едут по высокому берегу реки и вглядываются в ползущую с запада черную тучу, уже закрывшую полнеба, – и даже вроде не они с Юрием, а какие-то два воина – тут Николай догадался было о чем-то, но сразу же проснулся, и вокруг опять была Шпалерная.

В домах горело только пять или шесть окон, и они походили на стены той самой темной расщелины, за которой, если верить древнему поэту, расположен вход в ад. «До чего же мрачный город, – думал Николай, прислушиваясь к свисту ветра в водосточных трубах, – и как только люди рожают здесь детей, дарят кому-то цветы, смеются... А ведь и я здесь

живу...» Отчего-то его поразила эта мысль. Моросить перестало, но улица не стала уютней. Николай опять задремал в седле – на этот раз без всяких сновидений.

Разбудила долетевшая откуда-то из темноты музыка, сначала неясная, а потом – когда юнкера приблизились к ее источнику (освещенному окну первого этажа в коричневом трехэтажном доме с дующим в трубу амуром над дверью) – оказавшаяся вальсом «На сопках Манчжурии» в обычной духовой расфасовке.

– Но-о-чь тишина-а-а лишь гаолян шуми-и-т... – На глухой и негромкий звук граммофона накладывался сильный мужской голос, четкая тень его обладателя падала на крашеное стекло окна – судя по фуражке, это был офицер. Он держал на весу тарелку и махал вилкой в такт музыке – на некоторых тактах вилка расплывалась и становилась огромной расплывчатой тенью какого-то сказочного насекомого.

– Спите, друзья-я, страна больша-ая память о вас хранит... – Николай подумал о его друзьях.

Через десяток шагов музыка стихла, и Николай опять стал размышлять о странных речах Юрия.

– И какие это способы? – спросил он покачивающегося в седле товарища.

– Ты о чем?

– Да только что говорили. Как узнать о своей миссии.

– А, ерунда, – махнул Юрий рукой. Он остановил лошадь, осторожно взял поводья в зубы и вынул из кармана перламутровую коробочку. Николай проехал чуть вперед, остановился и выразительно посмотрел на товарища.

Юрий закрылся руками, шмыгнул носом и изумленно глянул на Николая из-под ладони. Николай усмехнулся и закатил глаза. «Неужели опять, подлец, не предложит?» – подумал он.

– Не хочешь кокаину? – спросил наконец Юрий.

– Даже не знаю, – лениво ответил Николай, – да у тебя хороший ли?

– Хороший.

– У капитана Приходова брал?

– Не, – сказал Юрий, заправляя вторую ноздрю, – это из эсеровских кругов. Такой боевики перед терактом нюхают.

– О! Любопытно. – Николай достал из-под шинели крохотную серебряную ложечку с монограммой и протянул Юрию, тот взял ее за чашечку и опустил витой стерженек ручки в перламутровую кокаинницу.

«Жмот», – подумал Николай, далеко, словно для сабельного удара, перегибаясь с лошади и поднося левую ноздрию к чуть подрагивающим пальцам товарища (Юрий держал ложечку двумя пальцами, сильно сжимая, словно у него в руке был крошечный и смертельно ядовитый гад, которому он сдавил шею).

Кокаин привычно обжег носоглотку, Николай не почувствовал никакого отличия от обычных сортов, но из благодарности изобразил на лице целую гамму запредельных ощущений. Он не спешил разгибаться, надеясь, что Юрий подумает и о его правой ноздре, но тот вдруг захлопнул коробочку, быстро спрятал в карман и кивнул в сторону Литейного.

Николай выпрямился в седле. Со стороны проспекта кто-то шел – издали было неясно, кто. Николай тихо выругался по-английски и поскакал навстречу.

По тротуару медленно и осторожно, словно каждую секунду боясь обо что-то споткнуться, шла жирная женщина в шляпе с густой вуалью. Николай чуть не сбил ее лошадью – чудом успел отвернуть в последнюю минуту. Женщина испуганно прижалась к стене дома и издала тихий покорный писк, отчего Николай вспомнил свою бабушку и испытал мгновенное и острое чувство вины.

– Мадам! – заорал он, выхватывая шашку и салютуя, – что вы здесь делаете? В городе идут бои, вам известно об этом?

– Мне-то? – просипела сорванным голосом женщина. – Еще бы!

– Так что же вы – с ума сошли? Вас ведь могут убить, ограбить... Попадётесь какому-нибудь Плеханову, так он вас своим броневиком сразу переедет, не задумываясь.

– Еще кто кого пе'геедет, – с неожиданной злобой пробормотала женщина и сжала довольно крупные кулаки.

– Мадам, – успокаиваясь и пряча шашку, заговорил Николай, – бодрое расположение вашего духа заслуживает всяческих похвал, но вам следует немедленно вернуться домой, к мужу и детям. Сядьте у камина, перечтите что-нибудь легкое, выпейте, наконец, вина. Но не выходите на улицу, умоляю вас.

– Мне надо туда, – женщина решительно махнула ридикюлем в сторону ведущей в ад расщелины, которой к этому времени окончательно стала дальняя часть Шпалерной улицы.

– Да зачем вам?

– Под'гуга ждет. Компаньонка.

– Ну так встретитесь потом, – подъезжая, сказал Юрий. – Ведь ясно вам сказали – вперед нельзя. Назад можно, вперед нельзя.

Женщина повела головой из стороны в сторону – под вуалью черты ее лица были совершенно неразличимы и нельзя было определить, куда она смотрит.

– Ступайте, – ласково сказал Николай, – скоро десять часов, потом на улицах будет совсем опасно.

– Donnerwetter! – пробормотала женщина. Где-то неподалеку завyla собака – в ее вое было столько тоски и ненависти, что Николай поежился в седле и вдруг почувствовал, до чего вокруг сыро и мерзко. Женщина как-то странно мялась под фонарем. Николай развернул лошадь и вопросительно поглядел на Юрия.

– Ну как тебе? – спросил тот.

– Что-то я ничего не пойму. Не успел распробовать, мало было. Но вроде самый обычный.

– Да нет, – сказал Юрий, – я об этой женщине. Какая-то она странная, не понравилась мне.

– Да и мне не понравилась, – ответил Николай, оборачиваясь посмотреть, не слышит ли старуха обидных для нее слов, но той уже след простыл.

– И обрати внимание, – задумчиво добавил Юрий, – оба они картавят. Тот, первый, и эта.

– Да ну и что. Мало ли народу грассирует. Французы, так все. И еще, кажется, немцы. Правда, чуть по-другому.

– Штейнер говорит, что когда какое-то событие повторяется несколько раз, это указание высших сил.

– Какой Штейнер? Который эту книгу о культурах написал?

– Нет. Книгу написал Шпенглер. Он никакой не доктор. А доктора Штейнера я видел в Швейцарии. Ходил к нему на лекции. Удивительный человек. Он-то мне про миссию и рассказал...

Юрий замолчал и вздохнул.

Юнкера медленно поехали по Шпалерной в сторону Смольного. Улица уже давно казалась мертвой – но только в том смысле, что с каждой новой минутой все сложнее было представить себе живого человека в одном из черных окон или на склизком тротуаре. В другом, нечеловеческом смысле она, наоборот, оживала: совершенно неприметные днем кариатиды сейчас только притворялись оцепеневшими – на самом деле они провожали друзей внимательными закрашенными глазами. Орлы на фронтонах в любой миг готовы были взлететь и обрушиться с высоты на двух всадников, а бородатые лица воинов в гипсовых картушах, наоборот, виновато

ухмылялись и отводили взгляды. Опять завывало в водосточных трубах – это при том, что никакого ветра на самой улице не чувствовалось. Сверху, там, где днем была широкая полоса неба, сейчас не видно было ни туч, ни звезд – сырой и холодный мрак провисал между двух линий крыш, и клубы тумана сползали вниз по стенам. Из нескольких горевших до этого фонарей два или три почему-то погасли, погасло и то окно первого этажа, где совсем недавно офицер пел трагический и прекрасный вальс.

– Право, Юра, дай кокаину... – не выдержал Николай. Юрий, видимо, чувствовал то же смятение духа – он закивал головой, будто Николай только что сказал что-то замечательно верное, и полез в карман.

На этот раз он не поскупился: подняв голову, Николай изумленно заметил, что наваждение исчезло, и вокруг – обычная вечерняя улица, пусть темноватая и мрачноватая, пусть затянутая тяжелым туманом, но все же одна из тех, где прошло его детство и юность, с обычными скучными украшениями на стенах домов и помигивающими тусклыми фонарями.

Вдали у Литейного грохнул винтовочный выстрел, потом еще один, и сразу же донеслись нарастающий стук копыт и дикие кавалерийские вскрики. Николай потянул из-за плеча карабин – прекрасной показалась ему смерть на посту, с оружием в руках и вкусом крови во рту. Но Юрий оставался спокоен.

– Это наши, – сказал он. И точно – всадники, появившиеся из тумана, были одеты в ту же форму, что и Юрий с Николаем. Еще секунда, и их лица стали различимы.

Впереди на молодой белой кобыле ехал капитан Приходов, концы его черных усов загибались вверх, глаза отважно блестели, а в руке замороженной молнией сверкала кавказская шашка. За ним сомкнутым строем скакали двенадцать юнкеров.

– Ну как? Нормально?

– Отлично, господин капитан! – вытягиваясь в седлах, хором ответили Юрий с Николаем.

– На Литейном – бандиты, – озабоченно сказал капитан, – вот. – Николаю в ладони шлепнулся тусклый металлический диск на длинной цепочке. Это были часы. Он ногтем откинул крышку и увидел глубоко врезанную готическую надпись – смысла ее он не понял и передал часы Юрию.

– «От генерального... от генерального штаба», – перевел тот, с трудом разобрав в темноте мелкие буквы. – Видно, трофейные. Но что странно, господин капитан, цепочка – из стали. На нее дверь можно запирать.

Он протянул часы Николаю: действительно, хоть цепочка была тонкой, она казалась удивительно прочной, самое удивительное, что на звеньях не было стыков, будто она была целиком выточена из куска стали.

– А еще можно людей душить, – сказал капитан, – на Литейном – три труп. Два прямо на углу: инвалид и медсестра, задушены и раздеты. И непонятно, то ли их там бросили, то ли убили и ограбили. Скорей всего выбросили – не могла же медсестра безногого мужчину на себе тащить... Но какое зверство! На фронте такого не видел. Ясно, отнял у инвалида часы и их же цепочкой... Знаете, там такая большая лужа...

Один из юнкеров тем временем отделился от группы и подъехал к Юрию. Это был Васька Зиверс, большой энтузиаст конькобежного спорта и танкового дела, – в училище его не любили за преувеличенный педантизм и плохое знание русского языка, а с отлично знавшим немецкий Юрием он был накоротке.

– ...за сотню метров, – говорил капитан, плашмя похлопывая шашкой по сапогу, – третье тело – успели в подворотню... Женщина, тоже почти голая... и след от цепочки...

Васька тронул внимательно слушающего Юрия за плечо, и тот, не отводя от капитана глаз, вывернул лодочкой ладонь, куда Васька быстро положил крохотный сверточек. Все это происходило у Юрия за спиной, но тем не менее не укрылось от капитана.

– Что такое, юнкер Зиверс? – перебил он сам себя, – что там у вас?

– Господин капитан! Через четыре минуты меняем караул у Николаевского вокзала! – отдав честь, ответил Васька.

– Рысью – вперед! – взревел капитан. – Да не туда, на Литейный! У Смольного быстро не пройдем!

Юнкера развернулись и унеслись в туман, капитан Приходов задержал пляшущую кобылу и крикнул Юрию с Николаем:

– Держитесь рядом! Никого без пропуска не пускать, на Литейный не выезжать, к Смольному тоже не соваться! Ясно? Смена в десять тридцать!

И исчез вслед за юнкерами – еще несколько секунд доносился стук копыт, а потом все стихло и уже не верилось, что только что на этой сырой и темной улице было столько народу.

– От генерального штаба, – повторил Николай, подбрасывая серебряную лепешку на ладони – второпях капитан забыл о своей страшной находке.

Часы имели форму маленькой раковины-жемчужницы, на циферблате было три стрелки, а сбоку, по числу стрелок, выступали три рифленых головки для завода. Николай слегка нажал на верхнюю и чуть не уронил

часы на мостовую – они заиграли. Это были первые несколько нот какой-то напыщенной немецкой мелодии, которую Николай сразу узнал, но названия которой не помнил.

– Аппассионата, – сказал Юрий, – Людвиг фон Бетховен. Брат рассказывал, что немцы ее перед атакой на губных гармошках играют. Что-то вроде марша.

Он развернул оставленный Васькой сверток – тот, как оказалось, состоял почти из одной бумаги. Внутри оказалось пять ампул с неровно запаянными шейками. Юрий пожал плечами.

– То-то Приходов заерзал, – сказал он, – насквозь людей видит. Только что с ними делать без шприца... Педант называется: берет кокаин, а отдает эфедрином. У тебя тоже шприца нет?

– Отчего, есть, – безрадостно ответил Николай. Эфедрина не хотелось – хотелось вернуться в казарму, сдать шинель в сушилку, лечь на койку и уставиться на знакомое пятно от головы, которое спросонья становилось то картой города, то хищным монголоидным лицом с бородкой, то перевернутым обезглавленным орлом – Николай совершенно не помнил своих снов и сталкивался только с их эхом.

С отъездом капитана Приходова улица опять превратилась в ущелье, ведущее в ад. Происходили странные вещи: кто-то успел запереть на замок подворотню в одном из домов, на самой середине мостовой появилось несколько пустых бутылок с ярко-желтыми этикетками, а поверх рекламы лимонада в окне кондитерской косо висело оглушительных размеров объявление, первая строка которого, выделенная крупным шрифтом и восклицательными знаками, фамильярно предлагала искать товар. Почти все фонари уже погасли – остались гореть только два, друг напротив друга, Николай подумал, что какому-нибудь декаденту из «Бродячей собаки», уже не способному воспринимать вещи просто, эти фонари показались бы мистическими светящимися воротами, возле которых должен быть остановлен чудовищный зверь, в любой миг готовый выползти из мрака и поглотить весь мир.

Где-то снова завывали псы, и Николай затосковал. Налетел холодный ветер, загремел жестяным листом на крыше и умчался – но оставил после себя странный и неприятный звук, пронзительный далекий скрип где-то в стороне Литейного. Звук то исчезал, то появлялся опять и постепенно становился ближе – словно Шпалерная была густо посыпана битым стеклом, и кто-то медленно, с перерывами, вел по ней огромным гвоздем, постепенно придвигая его все ближе к двум последним светящимся точкам.

– Что это? – глупо спросил Николай.

– Не знаю, – ответил Юрий, вглядываясь в клубы черного тумана, – посмотрим.

Скрип стих, а потом вдруг раздался совсем рядом, и один из клубов тумана, налившись какой-то особенной чернотой, отделился от слоившейся между домами темной мглы. Приближаясь, он постепенно приобретал контуры странного существа: сверху – до плеч – это был человек, а ниже – что-то странное, массивное и шевелящееся, именно эта нижняя часть и издавала отвратительный скрипящий звук. Это странное существо тихо приборматовало одновременно двумя голосами – мужской стонал, а женский утешал, причем женским говорила верхняя его часть, а мужским – нижняя. Существо на два голоса прокашлялось, вступило в освещенную зону и остановилось, лишь в этот момент, как показалось Николаю, приобретя окончательную форму.

Перед юнкерами в инвалидном кресле сидел мужчина, обильно покрытый бинтами и медалями. Перебинтовано было даже его лицо: в просветах между лентами белой марли виднелись только бугры лысого лба и отсвечивающий красным прищуренный глаз. В руках мужчина держал старинного вида гитару, украшенную разноцветными шелковыми лентами.

За креслом, держа водянистые пальцы на его спинке, стояла пожилая седоватая женщина в дрянной вытертой кацавейке – она была не то чтобы толстой, но какой-то оплывшей, словно мешок с крупой. Глаза женщины были круглы и безумны и видели явно не Шпалерную улицу, а что-то такое, о чем лучше даже не догадываться, на ее голове косо стоял маленький колпак с красным крестом – наверно, он был закреплен, потому что по физическим законам ему полагалось упасть.

Несколько секунд прошли в молчании, потом Юрий облизнул высохшие губы и сказал:

– Пропуск.

Инвалид заерзал в своем кресле, поднял взгляд на медсестру и беспокойно замычал. Медсестра вышла из-за кресла, наклонилась в сторону юнкеров и уперла руки в коленки – Николай отчего-то поразился, увидев на ее ногах стоптанные солдатские сапоги, торчащие из-под голубой юбки.

– Да стыд у вас есть, али нет совсем? – тихо сказала она, ввинчиваясь взглядом в Юрия. – Он же раненный в голову, за тебя убитый. Откуда у него пропуск?

– Раненный, значит, в голову? – задумчиво переспросил Юрий. – Но теперь как бы исцелел? Пропуск.

Женщина растерянно оглянулась. Инвалид в кресле дернул струну гитары, и по улице прошел низкий вибрирующий звук – он словно подстегнул медсестру, и она, снова пригнувшись, заговорила:

– Сынок, ты не серчай... Не серчай, если я не так что сказала, а только пройти нам обязательно надо. Если б ты знал, какой это человек сидит... Герой. Поручик Преображенского полка Кривотыкин. Герой Брусиловского прорыва. У него боевой товарищ завтра на фронт отбывает – может, не вернется. Пусти – надо им повидаться, понимаешь?

– Значит, Преображенского полка?

Инвалид закивал головой, прижал к груди гитару и заиграл. Играл он как-то странно, словно на раскаленной медной балалайке – с опаской ударяя по струнам и быстро отдергивая пальцы, – но мелодию Николай узнал: это был марш Преображенского полка. Другой странностью было то, что вырез резонатора, у всех гитар круглый, у этой имел форму пентаграммы, видимо, этим и объяснялся ее тревожащий душу низкий звук.

– А ведь Преображенский полк, – без выражения сказал Юрий, когда инвалид кончил играть, – не участвовал в Брусиловском прорыве.

Инвалид что-то замычал, указывая гитарой на медсестру, та обернулась к нему и, видимо, старалась понять, чего он хочет, это никак у нее не получалось, пока инвалид вновь не извлек из своего инструмента низкий вибрирующий звук, – тогда она спохватилась:

– Да ты что, сынок, не веришь? Господин поручик сам на фронт попросился, служил в третьей Заамурской дивизии, в конно-горном дивизионе...

Инвалид в кресле с достоинством кивнул.

– С двадцатью всадниками австрийскую батарею взял. От главнокомандующего награды имеет, – укоряюще произнесла медсестра и повернулась к инвалиду, – господин поручик, да покажите ему...

Инвалид полез в боковой карман кителя, вынул что-то и протянул медсестре, та передала Юрию. Юрий не глядя протянул лист Николаю. Тот развернул и прочел:

«Пор. Кривотыкин – 43 Заамурского полка 4 батальона. Приказываю атаковать противника на фронте от д. Онут до перекрестка дорог, что севернее отм. 265 вкл., нанося главный удар между деревнями Онут и Черный Поток с целью овладеть высотой 236, Мол. фермой и северным склоном высоты 265.

П. п. командир корпуса

генерал-от-артиллерии Баранцев»

– Что еще покажете? – спросил Юрий. Инвалид полез в карман и вытащил часы, отчего Николаю на секунду стало не по себе. Медсестра передала их Юрию, тот осмотрел и отдал Николаю. «Так, глядишь, часовым мастером станешь, подумал Николай, откидывая золотую крышку, – за час вторые». На крышке была гравировка:

Поручику Кривотыкину за бесстрашный рейд.
Генерал Баранцев

Инвалид тихо наигрывал на гитаре марш Преображенского полка и щурился на что-то вдали, задумавшись видно о своих боевых друзьях.

– Хорошие часы. Только мы вам лучше покажем, – сказал Юрий, вынул из кармана серебряного моллюска, покачал его на цепочке, потом перехватил ладонью и нажал рифленую шишечку на боку.

Часы заиграли. Николай никогда раньше не видел, чтобы музыка – пусть даже гениальная – так сильно и, главное, быстро действовала на человека. Инвалид на секунду закрыл лицо ладонью, словно не в силах поверить, что эту музыку мог написать человек, а затем повел себя очень странно: вскочил с кресла и быстро побежал в сторону Литейного, следом, стуча солдатскими сапогами, побежала медсестра. Николай сорвал с плеча карабин, передернул затвор и выстрелил вверх.

– Стоять! – крикнул он. Медсестра на бегу обернулась и дала несколько выстрелов из нагана – завизжали рикошеты, рассыпалась по асфальту выбитая витрина парикмахерской, откуда всего секунду назад на мир удивленно глядела девушка в стиле модерн, нанесенная на стекло золотой краской. Николай опустил ствол и два раза выстрелил в туман, наугад: беглецов уже не было видно.

– И чего они к Смольному так стремятся? – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, спросил Юрий. Он не успел сделать ни одного выстрела и до сих пор держал в руках часы.

– Не знаю, – сказал Николай. – Наверно, к большевикам хотят: там можно спирт купить и кокаин. Совсем недорого.

– Что, покупал?

– Нет, – ответил Николай, закидывая карабин за плечо, – слышал. Бог с ним. Ты про свою миссию начал рассказывать, про доктора Шпуллера...

– Штейнера, – поправил Юрий, острые ощущения придали ему разговорчивости. – Это такой визионер. Я, когда в Дорнахе был, ходил к

нему на лекции. Садился поближе, даже конспект вел. После лекции его сразу обступали со всех сторон и уводили, так что поговорить с ним не было никакой возможности. Да я особо и не стремился. И тут что-то стал он на меня коситься на лекциях. Поговорит-поговорит, а потом замолчит и уставится. Я уж и не знал, что думать – а потом он вдруг подходит ко мне и говорит: «Нам с вами надо поговорить, молодой человек». Пошли мы с ним в ресторан, сели за столик. И стал он мне что-то странное втолковывать – про Апокалипсис, про невидимый мир и так далее. А потом сказал, что я отмечен каким-то особым знаком и должен сыграть огромную роль в истории. Что чем бы я ни занимался, в духовном смысле я стою на некоем посту и защищаю мир от древнего демона, с которым уже когда-то сражался.

– Это когда ты успел? – спросил Николай.

– В прошлых воплощениях. Он – то есть не демон, а доктор Штейнер – сказал, что только я могу его остановить, но смогу ли – никому не известно. Даже ему. Штейнер мне даже гравюру показывал в какой-то древней книге, где будто бы про меня говорится. Там были два таких, знаешь, длинноволосых, в одной руке – копье, в другой – песочные часы, все в латах, и вроде один из них – я.

– И ты во все это веришь?

– Черт его знает, – усмехнулся Юрий, – пока, видишь, с медсестрами перестреливаюсь. И то не я, а ты. Ну что, вколем?

– Пожалуй, – согласился Николай и полез под шинель, в нагрудный карман гимнастерки, где в плоской жестяной коробочке лежал маленький шприц.

На улице стало совсем тихо – ветер больше не выл в трубах, голодные псы, похоже, покинули свои подворотни и подались в какие-то другие места, на Шпалерную сошел покой – даже треск тончайших стеклянных шеек был хорошо различим.

– Два сантиграмма, – раздавался шепот.

– Конечно, – шептал другой голос в ответ.

– Откинь шинель, – говорил первый шепот, – иглу погнешь.

– Пустяки, – откликался второй.

– Ты с ума сошел, – шептал первый голос, – пожалей лошадь...

– Ничего, она привычная, – шептал второй...

...Николай поднял голову и огляделся. Трудно было поверить, что осенняя петроградская улица может быть так красива. За окном цветочного магазина в дубовых кадках росли три крошечных сосенки, улица

поднималась вверх метра на полтора и становилась шире, окна верхних этажей отражали только что появившуюся в просвете туч луну – все это было Россией и было до того прекрасно, что у Николая на глаза навернулись слезы.

– Мы защитим тебя, хрустальный мир, – прошептал он и положил ладонь на рукоять шашки. Юрий крепко держал ремень карабина у левого плеча и не отрываясь глядел на луну, несущуюся вдоль рваного края тучи. Когда она скрылась, он повернул вдохновенное лицо к спутнику.

– Удивительная вещь эфедрин, – сказал он. Николай не ответил – да и что можно было ответить? Уже по-иному дышала грудь, другим казалось все вокруг, и даже отвратительная изморось теперь ласкала щеки. Тысячи мелких и крупных вопросов, совсем недавно бывших мучительными и неразрешимыми, вдруг оказались не то что решенными, но совершенно несущественными, центр тяжести жизни был совершенно в другом, и когда это другое вдруг открылось, выяснилось, что оно всегда было рядом, присутствовало в любой минуте любого дня, но было незаметным, как становится невидимой долго висящая на стене картина.

– Я жалобной рукой сжимаю свой костыль, – стал нараспев читать Юрий. – Мой друг – влюблен в луну – живет ее обманом. Вот третий на пути...

Николай уже не слышал товарища – он думал о том, как он завтра же изменит свою жизнь. Мысли были бессвязные, иногда откровенно глупые – но очень приятные. Начать обязательно надо было с того, чтобы встать в пять тридцать утра и облиться холодной водой, а дальше была такая уйма вариантов, что остановиться на чем-нибудь конкретном было крайне тяжело, и Николай стал напряженно выбирать, незаметно для себя приборматывая вслух и сжимая от возбуждения кулаки.

– ...Заборы – как гроба! Повсюду преет гниль! Все, все погребено в безлюдье окаянном! – читал Юрий и свободной рукой вытирал выступающий на лбу пот.

Некоторое время ехали молча, потом Юрий стал напевать какую-то песенку, а Николай впал в странное подобие дремы. Станным было то, что это было очень далекое от сна состояние – как после нескольких чашек крепкого кофе, – но сопровождавшееся чем-то вроде сновидений. Перед Николаем, накладываясь на Шпалерную, замелькали дороги его детства: гимназия и цветущие яблони за ее окном, радуга над городом, черный лед катка и быстро скользящие по нему конькобежцы, освещенные ярким электрическим светом, облетающие столетние липы, двумя рядами

сходящиеся к старинному дому с колоннами у входа, – все это он когда-то видел на самом деле. Но потом стали появляться картины чего-то очень знакомого и одновременно никогда не виданного: померещился огромный белый город, увенчанный тысячами золотых церковных головок, – город, как бы висящий в воздухе внутри огромного хрустального шара, – и этот город (Николай знал это совершенно точно) был Россией, а они с Юрием, который во сне был не совсем Юрием, находились за его границей и сквозь клубы тумана мчались на конях навстречу какому-то чудовищу, в котором самым страшным была полная неясность его очертаний и размеров: это был бесформенный клуб пустоты, источающий ледяной холод.

Николай вздрогнул и широко открыл глаза. В окружающей его броне блаженства появилась крохотная трещинка, в которую просочилось несколько капель неуверенности и тоски. Трещинка постепенно росла, и скоро мысль о предстоящем завтра утром (ровно в пять тридцать) повороте всей жизни и судьбы перестала доставлять удовольствие. А еще через пару минут, когда впереди замигали и поплыли навстречу два горящих друг напротив друга фонаря, эта самая мысль стала несомненным и главным источником переполнившего душу страдания.

«Отходняк», – наконец вынужден был признаться себе Николай. Странное дело – откровенная прямота этого вывода словно заделала брешь в душе, и количество страдания в ней перестало увеличиваться. Но теперь надо было очень тщательно следить за своими мыслями, потому что любая из них могла стать началом неизбежной, но пока еще, как хотелось верить, далекой полосы мучений, которых каждый раз требовал за свои услуги эфедрин. С Юрием явно творилось то же самое, потому что он повернулся к Николаю и сказал тихо и быстро, словно экономя выходящий из легких воздух:

– Надо на кишку было кинуть.

– Не хватило бы, – так же отрывисто ответил Николай и почувствовал к товарищу ненависть за то, что тот вынудил его открыть рот.

Под копытами лошади раздался густой и противный хруст – это были осколки выбитой наганным рикошетом витрины.

«Хр-р-рус-с-стальный мир», – с отвращением к себе и всему на свете подумал Николай. Недавние видения показались вдруг настолько нелепыми и стыдными, что захотелось в ответ на хруст стекла так же заскрипеть зубами.

Теперь ясно стало, что ждет впереди: отходняк. Сначала он был где-то возле фонарей, а потом, когда фонари оказались рядом, он отступил в

клубящийся у пересечения с Литейным туман и пока выжидал. Несомненным было то, что холодная, мокрая и грязная Шпалерная – единственное, что существует в мире, а единственным, чего можно было от нее ждать, была беспросветная тоска и мука.

По улице пробежала черная собака неопределенной породы с задранным вверх хвостом, рывкнула на двух сгорбленных серых обезьянок в седлах и нырнула в подворотню, а вслед за ней со стороны Литейного появился и стал приближаться отходняк.

Он оказался усатым мужиком средних лет в кожаном картузе и блестящих сапогах – типичным сознательным пролетарием. Перед собой пролетарий толкал вместительную желтую тележку с надписями «Лимонадъ» на боках, а на переднем борту тележки был тот самый рекламный плакат, который выводил Николая из себя даже и в приподнятом состоянии духа – сейчас же он показался всей мировой мерзостью, собранной на листе бумаги.

– Пропуск, – мучительно выдавил из себя Юрий.

– Пожалуйста, – веско сказал мужчина и протянул Юрию сложенную вдвое бумагу.

– Так. Эйно Райхья... Дозволяется... Комендант... Что везете?

– Лимонад для караула. Не желаете? – В руках у пролетария блеснули две бутылки с ядовито-желтыми этикетками. Юрий слабенько махнул рукой и выронил пропуск – пролетарий ловко поймал его над самой лужей.

– Лимонад? – отупело спросил Николай. – Куда? Зачем?

– Понимаете ли, – отозвался пролетарий, – я служащий фирмы «Карл Либкнехт и сыновья», и у нас соглашение о снабжении лимонадом всех петроградских постов и караулов. На средства генерального штаба.

– Коля, – почти прошептал Юрий, – сделай одолжение, глянь, что там у него в тележке.

– Сам глянь.

– Да лимонад же! – весело отозвался пролетарий и пнул свою повозку сапогом. Внутри картаво загрохотали бутылки, повозка тронулась с места и проехала за фонари.

– Какого еще генерального штаба... А впрочем, пустое. Проходи, пой посты и караулы... Только быстрее, садист, быстрее!

– Не извольте беспокоиться, господа юнкера! Всю Россию напоим!

– Иди-и-и... – вытягиваясь в седле, провыл Николай.

– Иди-и-и... – сворачиваясь в серый войлочный комок, прохрипел Юрий.

Пролетарий спрятал пропуск в карман, взялся за ручки своей тележки и покатил ее вдаль – скоро он растворился в тумане, потом долетел хруст

стекла под колесами, и все стихло. Прошла еще секунда, и какие-то далекие часы стали бить десять. Где-то между седьмым и восьмым ударом в воспаленный и страдающий мозг Николая белой чайкой впорхнула надежда:

– Юра... Юра... Ведь у тебя кокаин остался?

– Боже, – облегченно забормотал Юрий, хлопая себя по карманам, – какой ты, Коля, молодец... Я ведь и забыл совсем... Вот.

– Полную... отдам, слово чести!

– Как знаешь. Подержи повод... Осторожно, дубина, высыплешь все. Вот так. Приношу извинения за дубину.

– Принимаю. Фуражкой закрой – сдует...

Шпалерная медленно ползла назад, остолбенело прислушиваясь своими черными окнами и подворотнями к громкому разговору в самом центре мостовой.

– Главное в Стриндберге – не его так называемый демократизм и даже не его искусство, хоть оно и гениально, – оживленно жестикулируя свободной рукой, говорил Юрий. – Главное – это то, что он представляет новый человеческий тип. Ведь нынешняя культура находится на грани гибели и, как любое гибнущее существо, делает отчаянные попытки выжить, порождая в алхимических лабораториях духа странных гомункулусов. Сверхчеловек – вовсе не то, что думал Ницше. Природа сама еще этого не знает и делает тысячи попыток, в разных пропорциях смешивая мужественность и женственность – заметь, не просто мужское и женское. Если хочешь, Стриндберг – просто ступень, этап. И здесь мы опять приходим к Шпенглеру...

«Вот черт, – подумал Николай, – как фамилию-то запомнить?» Но вместо фамилии он спросил другое:

– Слушай, а помнишь, ты стихотворение читал? Какие там последние строчки?

Юрий на секунду наморщил лоб.

– И дальше мы идем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.